

В.А. Литвинко, аспирантка юридического факультета БГУ

ВЗГЛЯД НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СУЩНОСТИ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Проанализированы изменения основных свойств правонарушения и изложен современный взгляд на указанное явление. Рассмотрено содержание понятия «сущность» и применимость его к правонарушению. Предложено при формулировании сущности правонарушения включать в дефиницию указание на объективное выражение правонарушения и его субъективную составляющую. Изучается процесс генезиса категории «правонарушение» начиная с древнейших времен, когда эта проблема рассматривалась лишь при интерпретации категорий «нарушение порядка», «сущность зла» и его происхождения. Рассмотрены социологическая, биологическая и психолого-социальная парадигмы описания правонарушения, а также исследования в рамках постмодернистских тенденций в науке.

Процесс трансформации затронул все явления и процессы, происходящие в социальной реальности, начиная с момента возникновения Республики Беларусь как независимого государства. При изучении и изложении различного рода явлений нашей действительности следует учитывать то существенное в изменениях, которое затрагивается в данном явлении или процессе. Вопрос о содержании и сущности противоправных деяний самый дискуссионный не только в отраслевых науках, но и при изучении его теорией государства и права, поскольку он имеет межотраслевое значение. Для его решения было создано много теорий, его изучали не только юристы, но и психологи, социологи, медики. Нередко в рамках рассмотрения вопросов законности, ответственности, правоотношений и правонарушения этой проблемы касались исследователи-юристы.

Указанные исследования проводили в рамках различных парадигм отечественные исследователи Ю.А. Денисов, В.Н. Кудрявцев, С.Л. Явич, С.И. Самощенко, Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.В. Гульдан, А.Б. Сахаров, В.Н. Малков, О.М. Бандурка, Е.В. Додин, В.Я. Тацкий, В.А. Козлова, М.Н. Марченко, В.И. Шакуна, Г.В. Швекова, В.А. Шегорцева и зарубежные – Э. Ферри, Г. Тард, А. Кетле, Г.И. Галль, Ф. Лист, Г. Беккер, Дж. Даббс, Р. Моррис, Дж. Ф. Шелли и др.

Интерпретацией содержания, понятия, признаков, сущности, причин правонарушений необычайно много – от антропологических и генетических до социологических, психологических, нормативистских. В советском прошлом данный вопрос, кроме всего прочего, был идеологически ангажирован. В настоящее время ни одно из указанных направлений исследований в рамках изучения вопроса о сущности правонарушения не получило исчерпывающего выражения. Для достижения более полного исследования применения категории «правонарушение» автором предлагается нефеноменологическое исследование правонарушения, направленное не столько на описание, сколько на объяснение трансформации содержания правонарушения. Именно описательный подход к изучению сложных явлений действительности приводит к тому, что исследования считаются недостаточно убедительными и полными. Достижению этой цели, на наш взгляд, благоприятствует рассмотрение сущности (содержания) правонарушения с позиции историко-компаративистского метода исследования, для чего предлагаем исследовать генезис взглядов на содержание (сущность) правонарушения.

В методологических целях следует различать два подхода к изучению и раскрытию сущности любого явления. Выбор направления зависит от того, какова априорная установка относительно основного вопроса о первичности субъективного или объективного в мире, то есть идеи или материи. Для объективного идеализма бытие, реальность и существование находятся в зависимости от сущности вещей, которые трактуются как нечто независимое, непреложное и абсолютное. Для субъективного идеалистического направления сущность есть сознание субъекта, проецирующего ее в виде вещей [2, с. 812]. В статье используются компаративистский, исторический, системный и логико-догматический методы исследования.

Определяя объект исследования, следует остановиться на уяснении категории «сущность», которая согласно философскому словарю есть «...смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых состояний вещи» [11, с. 444]. «Сущность – внутренняя основа, содержание, смысл, суть чего-либо» [10, с. 512]; это философская категория, обозначающая совокупность существенных свойств и качеств вещи, субстанциальное ядро самостоятельного сущего, поэтому в статье речь о трансформации сущности (содержания) правонарушения пойдет в рамках указания на то смысловое субстанциальное ядро, которое отражает наиболее харак-

терный смысл, вкладываемый в интерпретацию указанного явления тем или иным направлением исследований.

В древности вопрос о сущности правонарушений в нашем понимании не подымался, поскольку правонарушение априорно ассоциировалось с хаосом, дисгармонией и вообще нарушением порядка. Оно считалось ошибкой, результатом заблуждения. Вопрос о сущности зла и его происхождении Горгием, Сократом, Аристиппом, Антисфеном, Эпикуром, Эпиктетом, Филоном, Платоном, Аристотелем и другими поднимался именно с позиции изучения вопросов о зле как онтологической категории и затрагивался вопрос о нарушении общественных законов. В средневековье проблематика правонарушений звучала при исследованиях природы греха как нарушения верховных заповедей и несовершенной природы человека, в работах Августина, Боэция, П. Абеляра, Н. Кузанского, Пико, М. Лютера, Ж. Кальвина правонарушение равнозначно греху, посягательству на авторитет Бога-отца. Оно есть результат духовного несовершенства человека, по мнению мыслителей средневековья. Новое время приносит новое мировосприятие и мироощущение. И вопрос правонарушений интерпретируется с позиций изучения природы человека и его естественных прав, свободы воли, вопрос о первоисточнике правонарушений поднимали Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Юм, Б. Спиноза, Ж.Ж. Руссо, Гольбах, Д.А. де Сад, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др. Шла дискуссия о том, укоренено ли правонарушение в человеке или же к этому его толкает что-то извне, какая-то сила (идеальная или природная).

Таким образом, отметим, что в современном понимании проблема противоправного поведения и правонарушения как социального явления или юридического факта не получила значительного развития: у греческих мыслителей она затрагивалась лишь частично, в рассуждениях о дисгармонии и ее причинах, средневековые теории исходят из объективного идеализма и формализма, когда Бог – первопричина всего, а правонарушение – зло, пришедшее в мир в результате грехопадения, оно метафизически отождествляется со злом. Новое время меняет акцент с позиции изучения причин трансцендентального зла (и правонарушения как проявления этого зла) на изучение природы человека как детерминанты всех поступков с позиции антропологического подхода.

Философская и правовая мысль начала XX в. указывает на разочарование в представлениях о разумности человека, его способности контролировать себя и природу, что приводит к возникновению традиции экзистенциализма. Человек и его поступки, в том числе и противоправные, есть результат «свободного выбора человека», его внутренней рассогласованности [3, с. 57]. Представителями экзистенциальной парадигмы в науке и философии являются С. Кьеркегор, К. Ясперс, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.

Если объединить разнообразные концепции о сущности (содержании) и происхождении правонарушения, то получим два мировоззренческо-методологического подхода к его пониманию: 1) натурально-материалистический и 2) религиозно-идеалистический, который отрицает любую закономерность в общественном развитии под определяющим провиденциалистским влиянием его духовных начал. Для них характерно объединение преступления со злом, которое есть в самом человеке из-за его несовершенства, что человек не имеет в готовом виде соответствующих условий жизни и постоянно борется за их создание, которое наблюдается в материалистическом понимании общества, то есть в этих случаях правонарушение считается неотъемлемой чертой жизнедеятельности общества, которое создает условия и формирует его.

Исследования правонарушений с использованием научной методологии и методов, а не только путем умозрительных рассуждений, ведутся уже около двух веков, что связано с получением наукой особого статуса в жизни общества, поэтому именно необходимость получения эмпирических, верифицируемых знаний привело к развитию естественных наук, а также к тому, что с конца XVIII в. в отраслевых юридических науках начинают активно развиваться биологические концепции о причинности и содержательной наполненности правонарушений. Основателем биологических исследований в криминологии считают Ч. Ломброзо, который провел научное изучение физических черт преступников [14]. Он определял преступление (как вид правонарушения) в качестве явления не только человеческого, но и общебиологического. «Преступления есть не случайное явление и не продукт „злой воли“, а вполне естественный и наказанием непреодолимый акт. Преступник – это своеобразный антропологический тип, который побуждается к преступлению в силу множественных свойств и особенностей своей организации» [6, с. 50].

Параллельно идет развитие психологических исследований по данному вопросу. В этой связи считают необходимым упоминать об учении З. Фрейда о структуре психики как двигателе любого человеческого поведения. Но вклад З. Фрейда заключается в том, что он выявил такой ранее не изу-

ченный пласт психики, как бессознательное, однако проблеме правонарушения или более узкому вопросу – преступлению – З. Фрейд специального исследования не посвящал. Согласно учениям З. Фрейда и Э. Фромма каждый человек обладает определенной структурой характера, который определяется как «...эквивалент утраченной человеком инстинктивной детерминации животного» [12, с. 217]. Результаты работы З. Фрейда можно использовать при интерпретации поведения в целом, фундированном психической активностью, однако прямого указания на сущность или содержание психической направленности правонарушения он не оставил. Можно лишь использовать его методологию для интерпретации понимания правонарушения и таким образом указать, что преступление, как наиболее опасный вид правонарушения, есть результат неудачи «эго» в его попытке удержать под контролем агрессивность, фрустрацию и конфликты, лежащие в сфере подсознательного, находящие свое выражение в наказуемых деяниях преступника. Ученики и последователи З.Фрейда – К.Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни (неофрейдизм и постфрейдизм) – в своих учениях склонны к социологизаторским позициям в отношении противоправного поведения в целом и правонарушений в частности.

Таким образом, рассмотренное в антропологическом ключе, правонарушение является превратной формой самореализации. Метафизические модели объяснения правонарушения, господствовавшие до XX в., указывают на руководство человеком безличных высших сил, власть которых над человеком беспредельна. Следует отметить, что хотя современная наука победила идеи антропологической школы права, но идеи о том, что зло и правонарушение заложены в тайных силах всей природы, в разном виде проявляется и в современных концепциях происхождения правонарушения.

Противниками биологизаторских и психобиологических концепций о детерминированности правонарушений была социологическая школа исследований, представленная работами К. Маркса, Г. Зиммеля, П. Эглтона, Е. Росе, Е. Кречмера, Р. Маккензи, Р. Дарендорфа, У. Куайна, Уинта, Е. Семпсона, Л. Козера, Д. Гелигена, К. Меннингер и др. К социологической школе в юриспруденции относят А. Кетле, Г.И. Галля, Г. Тарда, Ф. Листа, Э. Ферри и др. По мнению А. Кетле, «...общество скрывает в себе зародыш всякого убийства, оно само подготавливает такого рода насилие над человеком» [1, с. 59]. В целом социологи считают правонарушение социальным фактом, обусловленным обществом либо установленным законодателем благодаря общественным ожиданиям; детерминанты данного явления, с этой позиции, лежат сугубо в сфере социума и его реальности. Однако социологическая школа исследований не была однородной, своеобразным синтезом взаимодействия объективных условий среды и субъективных факторов личности, была теория интеракционизма, согласно которой «правонарушение – результат взаимодействия между людьми. Преступному поведению человека в значительной мере способствует ожидание со стороны окружающих соответствующих отрицательных поступков, которое ведет к тому, что он поневоле усваивает отводимую ему роль преступника» [14, с. 75].

Смена типа мышления в XX в. приводит к очередной трансформации в понимании содержания правонарушения. Отечественные исследования ведутся в ключе изучения вопроса о наличии в социалистическом обществе преступности, ее отличительных признаках от иных противоправных деяний. Выделяли два фундирующих фактора: пережитки в сознании людей, привносимые из прошлого, и влияние капиталистического окружения. В итоге исследования нередко носили характер социального редуccionизма. Правонарушения делились на те, которые будут при капитализме, и те, которые есть сейчас, в социалистическом обществе.

После Октябрьской революции господствовало неоломброзианство и ему оппонировала социальная теория Э. Ферри. На протяжении 20–30-х гг. XX в. социологи изучали факторы преступности – экономические, социальные, демографические, – была разработана теория пережитков прошлого в сознании людей. Затем наступило затишье в исследованиях проблемного поля противоправного поведения, а в 60-е гг. исследования возобновились: правонарушение трактовалось как акт взаимодействия, проявления определенного состояния социальных отношений и связей данного лица. Единственно возможным подходом в изучении преступности стал монистический, толкующий правонарушение как пережиток капитализма и следствие капиталистического окружения [9; 4].

В 80-е гг. XX в. господствовала теория причин и условий, а под сущностью правонарушения понимали «...форму проявления деликтности, причинно обусловленную существованием противоречий общества противоречиями между личностью и обществом, выраженной в общественно опасном поведении, отклоняющемся от господствующих норм социального порядка» [5, с. 68]. Появилось несколько работ, посвященных изучению правонарушения как общеправового явления, авторами были Ю.А. Денисов, В.Н. Кудрявцев, С.Л. Явич. Еще ранее опубликовал свое исследование С.И. Самошенко, хотя оно и было направлено на проблемы более прикладного характера. Был возобновлен

интерес к исследованию роли психических аномалий в генезисе преступного поведения в работах Ю.М. Антоняна, С.В. Бородина, В.В. Гульдана.

Биологические и психологобиологические исследования вопроса противоправного поведения как более широкого по отношению к правонарушению в XX в. были продолжены в рамках генетики и психогенетики иностранными учеными и специалистами (Ф. Гальтоном, Г. Менделем и др.). Следует отметить, что отечественная наука не уделяла значительного внимания биологическим исследованиям правонарушений. Советский период для данной проблематики прошел под знаком социологизаторских версий о сущности и причинах противоправного деяния, предпринимались попытки создать теории, включающие и генетические факторы, однако данные попытки относились ко второй половине XX в. Примером может быть концепция гармонизирующей эволюции, где главный фактор биологической эволюции – влияние социальных потребностей, также следует отметить исследование И.С. Ноя, который пытался привлечь внимание к весомости биологических факторов при изучении и раскрытии противоправного поведения. Социально-классовый подход, объясняющий противоправное поведение исключительно воздействием внешней среды, позволял полностью игнорировать не только генетические факторы, но и духовную составляющую человеческой личности, не сводя мую к природе биологической, психической и социальной.

Концепции о биологической либо биопсихической природе правонарушений отечественной наукой не разделялись. Отрицали значение биологических факторов, однако учитывали физиологические и психические особенности поведения как внутренних условий, взаимодействующих с факторами социального окружения, В.Н. Кудрявцев, А.Б. Сахаров, Ю.М. Антонян, В.Н. Малков и др. Кроме того, само явление исследовалось отраслевыми науками, уделяющими внимание не правонарушению как таковому, а его видам, имеющим свое значение в рамках этих отраслевых наук. Наибольший материал удалось накопить криминологии в рамках исследования такого вида правонарушения, как преступление.

В зарубежной науке проводились междисциплинарные исследования причин противоправного поведения и, как следствие, затрагивались вопросы о содержании правонарушений и способах борьбы с ними. В частности, были сделаны выводы, что поведение не только подвержено влиянию культуры, но и обусловлено чертами характера. Результаты некоторых исследований, хотя иногда и непоследовательно, поддерживают идею определенного биологического и (или) генетического влияния на антисоциальное поведение [16, с. 209–211]. Прежде всего это позволяет выдвинуть следующие предположения: несмотря на то, что генетические факторы могут в какой-то степени быть причиной первоначального возникновения антисоциального поведения, внешние факторы играют большую роль в поддержании постоянства и усилении антисоциального поведения.

Трансформация взглядов на сущность правонарушения проявляется в современных интерпретациях правонарушения как «...не просто нарушение закона, а посягательство на те жизненные условия, которые породили закон» [8, с. 700]. Таким образом, если мы интерпретируем явление с общесоциальной позиции, то правонарушение – это прежде всего социальный факт, рассматриваемый как отрицательный, нейтральный либо положительный. С позиции формально-догматического подхода правонарушение всегда связано с нормативными, текстуально закрепленными санкциями. Социальное значение в качестве правонарушений будут иметь и деяния, сознательно исключенные государством из области правонарушений (например, при малозначительности).

Следует отказаться от попыток рассматривать правонарушение лишь в качестве объекта и продукта влияния социума, а не как самостоятельного относительно свободного явления, поскольку социальный редукционизм, как и биологический, ведет к сведению «правонарушения» к механистической сумме факторов и жизненных условий, поэтому наиболее адекватно содержание правонарушения, на наш взгляд, можно отразить, если учесть не только социальные, биопсихологические факторы (как индивидуальные, так и коллективные), но и духовные, а также культурные составляющие не только личности, но и той социальной реальности, в которой индивид живет и проявляет себя в конкретном пространственно-временном контексте.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что правонарушение – результат взаимодействия не только психики, наследственности и социальных условий, но и общественно детерминированных бессознательных образований, передающихся из поколения в поколение в качестве реакций на определенные явления. В то же время именно отсутствие достаточной эмпирической базы не позволяет делать однозначные и далеко идущие выводы, поэтому науке необходимы исследования личности, ее генетических, психологических, психоневрологических данных, а также изучения правонарушения в

теории права как явления, имеющего важное значение для отраслевых наук и практического применения, соблюдения принципа законности при привлечении к ответственности за то или иное деяние и при решении иных существенных для практики вопросов.

На наш взгляд, любая теория, предлагая свое видение вопроса и сущности (содержания) правонарушения, должна учитывать, что в современной трансформированной реальности следует раскрывать такие существенные свойства и экзистенциальные связи, которые наиболее полно и точно характеризовали бы не только отношение общества к указанному явлению (объективная реакция), но и субъективное отношение личности к совершенному поступку. Нельзя сводить определение сущности (содержания) правонарушения исключительно к когнитивной интерпретации государственно установленного правового текста. Вместе с тем отнесение обществом каких-либо деяний к проявлению зла имеет исторически изменчивый характер, что дает основание для трактовки правонарушающих действий как онтологической реальности относительно явлений, выполняющих в рамках общества важную социальную функцию. Следует отметить, что ранее указанные социологические или биологические интерпретации сущности правонарушения неудобны для правоприменительной практики. Однако современное развитие методологии науки позволяет сделать вывод о необходимости междисциплинарных исследований, но в ракурсе применимости результатов для юриспруденции.

Предлагаем сущность (содержательную сторону) правонарушения определять как совокупность системных взаимосвязей между объективным выражением (объективной составляющей) субъективного состояния (внутренней составляющей) деликтоспособного лица по отношению к социуму и правопорядку в определенном пространственно-временном континууме. Что касается изучения субъективного состояния личности в рамках вопроса о противоправном поведении, то предлагаем выделить микросубъектологию и юридическую персоналогию в качестве самостоятельного направления исследования в рамках юриспруденции. Данное направление исследования взяло бы на себя задачу разработки и исследования личностной парадигмы с учетом специфики правоведения и отраслевых юридических наук, поскольку в юриспруденции использование данных других наук не всегда ведет к адекватному пониманию и применению некоторых основополагающих понятий. Примером может быть хотя бы понятие вины, привнесенное из психологии, о сути которого до сих пор идут споры. Результаты исследования можно применять в рамках изучения тем «Противоправное поведение», «Правонарушения», «Социальные отклонения» при изложении дисциплины «Теория государства и права», исследованиях отдельных видов правонарушений в отраслевых юридических науках, изложении курса «Проблемы теории государства и права», а также при изучении поведения личности смежными науками и отраслями знаний.

Библиографические ссылки

1. Абельцев, С.И. Личность преступника и проблемы криминального насилия / С.И. Абельцев. М., 2000.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, изотеризм, политэкономия / науч. ред. и сост. С.Ю. Садовников. Минск, 2002.
3. Гришаев, П.И. Уголовно-правовая теория и уголовное законодательство буржуазных государств / П.И. Гришаев. М., 1959.
4. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. д-р юрид. наук Я.И. Гилинский. СПб., 2000.
5. Денисов, Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности : (социологический и юридический аспекты) / Ю.А. Денисов. Л., 1983.
6. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология / С.М. Иншаков. М., 1997.
7. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо. СПб., 1892.
8. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко. М., 2005.
9. Ной, И.С. Методологические проблемы советской криминологии / И.С. Ной. Саратов, 1975.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1986.
11. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991.
12. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. М., 1994.
13. Яковенко, И.Г. Цивилизация и варварство в истории России / И.Г. Яковенко // Обществ. науки и современность. 1996. № 4.
14. Becker, H. Outsiders / H. Becker. N.Y. ; London, 1963.
15. Dabbs, J.M. Testosterone, Social Class and Antisocial Behavior in a Sample of 4.462 Men / J.M. Dabbs, R. Morris // Psychological Science. 1990. № 1.